

A serene sunset over a lake. The sun is low on the horizon, casting a golden glow across the sky and reflecting on the water. A dense forest of trees is visible in the background, and a large tree with dark foliage is in the foreground on the right side. The overall mood is peaceful and contemplative.

Андрей
Георгиев

Ночная песня

Сборник
рассказов

Андрей Георгиев

Ночная песня

«Автор»

2024

Георгиев А. Н.

Ночная песня / А. Н. Георгиев — «Автор», 2024

Мир прекрасен и удивителен. И неважно, откуда вы смотрите на него. Это может быть крыльцо вашего деревенского дома или склон дальневосточного вулкана. Главное – не забывать на него смотреть широко открытыми глазами, невзирая на повседневную рутину и житейскую суету.

© Георгиев А. Н., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Апрельское утро	5
В поисках японского полоза	8
Костромской уик-энд	16
Паанаярви	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Андрей Георгиев

Ночная песня

Апрельское утро

За окном еще темно, но я знаю, что это ненадолго. Пора вставать, завтракать и двигаться на реку. Надеваю сапоги и, прихватив корзинку с подсадной уткой, ружье, закрываю дом и направляюсь к реке. На дворе – середина апреля. На часах – половина четвертого утра. Небо ясное. На нем еще отчетливо видны одинокие звезды. Ярче звезд только планеты. В этом году у них парад. Почти над самым горизонтом на юго-востоке виднеется Марс, чуть выше и правее – Сатурн, а еще чуть выше и правее – Юпитер. Его видно лучше других, не считая, конечно, Луны, которая убывает. Она растаяла, как зимний снег, от нее осталась только левая половинка.

Утренний воздух легким морозцем прихватывает щеки. Мой дом почти у самого края деревни. Он стоит на высоком бугре, и обзор от него открывается чудный. Мне виден краешек озер, пойма, река и бесконечные леса, что заполняют всю округу до горизонта. Заливные луга и река совсем недалеко от моего жилища.

Выйдя на крыльцо, слышу, как за мостом токуют тетерева. Там у них небольшая тусовка, птиц пять, не более. Сколько рядом тетерок, что наблюдают за кавалерами, – мне неизвестно. Бодрое бормотанье тетеревов поднимает настроение. Эти мягкие булькающие звуки слышно бывает иногда до пары километров, но где примерно ток сегодня – я уже знаю. Вижу, как с него поднимается один из тетеревов и подлетает к курятнику крайнего от реки дома. Самец в экстазе выводит такие громкие трели, что хозяин дома не выдерживает натиска, выходит из избы в трусах на бодрящий воздух и с ругательствами бросает в сторону наглого косача калошу. Фр-р-р-р. Птица возвращается на ток. Я улыбаюсь: эту сцену наблюдаю уже второе утро. Уж не знаю, появятся ли потом у соседа пятнистые цыплята, но то, что тетерева регулярно прилетают к его курам в этот год, – это забавно.

Перехожу мост и сворачиваю налево, направляясь через луга в сторону леса. Там, на реке, у меня есть заветное укромное место, где я построил шалаш. Он спрятан среди деревьев на берегу небольшого заливчика, который появляется только в весенний паводок. Поднимаю болотные сапоги и высаживаю утку. Сам забираюсь в свой скрадок. При выборе места для его строительства я учитывал, как будет видно мою птицу и вход в залив с реки. Подсадная начинает призывно кричать. Через пару минут вдалеке отзывается селезень. Он делает первый пролет высоко над деревьями. Второй раз селезень проходит низко между деревьями, чуть не задев крыльями мой шалаш, но садится на реке, а не в залив. Оглядевшись пару минут, осторожно заплывает под полог леса и направляется к утке. Выстрел. Забираю добычу, убираю подсадную в корзинку и направляюсь обратно. Охота длилась недолго. Больше дичи мне сегодня не нужно. Да и дел сегодня в деревне много.

Еще очень рано, но небо ясное, поэтому светлеет быстро. Вот в районе озер слышно, как поднялись с гогом гуси и двинулись в путь дальше. До тундры им еще лететь и лететь. Эфир начинает заполнять птичье пение. Я слышу овсянку, варакушку, дроздов. Бекас перьями рассекает воздух. Его токовый полет сопровождается дребезжащим звуком. Раз за разом кулик, набрав высоту, пикирует вниз, издавая «блеяние». Высоко над полем завис жаворонок. Его льющаяся мелодия – неотъемлемая часть прихода нашей весны. Подхожу к мосту и понимаю, что тетерева на месте. Их ток в самом разгаре. Прекрасно слышно не только бульканье, но и чужьяканье. Подбираюсь еще ближе. Из-за дорожной насыпи они меня не видят. Присаживаюсь на упавший столбик старого развалившегося забора и начинаю манить косачей. Складываю

ладошки лодочкой и выдаю резкое «чуф-ф-фы-ы», после чего хлопаю себя по бокам, имитируя крылья. Мой крик вызывает взрыв ответных звуков с другой стороны дороги. Повторяю: «Чуф-ф-фы-ы». Один из самцов срывается с тока и перелетает ко мне. Он решил посмотреть, что за чужак вызывает их на бой. Пару секунд косач обескураженно сидит на невысоком дереве возле меня. Камуфляж охотничьей одежды под опавшую листву хорошо скрывает на общем ржавом фоне травы. Я прекрасно вижу его набухшие красные брови, черное с отливом оперение, лировидный хвост. Разглядев человека, птица срывается и уходит в сторону леса. Там садится на высокую осину, ожидая, когда я уберусь восвояси. Поднимаюсь и аккуратно ухожу в деревню, чтобы не тревожить бурлящий тетеревиный ток. В нашей окрестности этих птиц мало, поэтому уже несколько лет не охочусь на этих куриных возле деревни.

Односельчане еще спят, на часах полшестого утра. Стараюсь не хлопать калиткой, чтобы не разбудить соседей. Возле скворечника пестренький певец выводит весенние трели. Я присел на крыльце, достал папиросу и закурил. Для здоровья, конечно, вредно, но обостряет чувство жизни. По этой причине позволяю себе иногда подымить в такие волнительные моменты. Тетерева еще токуют. Скоро деревня проснется, начнут ездить трактора и машины. Вот тогда косачи и улетят. Думаю, что одна из причин, почему в этом месте тетерева ведут себя так беспечно, – это отсутствие в окрестности ястреба-тетеревятника. С нашего края деревни наблюдаю регулярно коршунов, ястребов-перепелятников (которые значительно мельче своих собратьев), канюков. Частенько кружат на большой высоте орлы-карлики. Пара этих редких птиц уже много лет гнездится где-то на реке, там, где стоят вековые огромные сосны, что не обхватит и пара человек. А вот ястребов-тетеревятников вижу далеко не каждый год. Это грозный хищник, способен легко поймать крупных тетеревов. Мне посчастливилось однажды возле соседней деревни в сентябре наблюдать, как ястреб-тетеревятник охотился на этих птиц. Вначале он поднял с поля всю стаю, которая кормилась на краю возле леса. Потом в процессе погони отбил от нее небольшую группу. На втором круге над моей головой он гнался уже за отдельным молодым самцом. На третьем – догнал и схватил его прямо на моих глазах. И сделал это в воздухе. Я тогда подумал: «Действительно, тетеревятник».

Заходить в избу не хотелось, еще не насладился звуками весеннего утра. Вдали затрубили серые журавли. Они каждый год останавливаются весной на болоте, что лежит двумя километрами южнее нашей деревни. Их огромные следы в тех местах на влажном песке полевой дороги отчетливо видны в эту пору. Сами же птицы не попадают на глаза. Конечно, если залечь на бугре возле болота с биноклем, то счастье вам улыбнется.

Вчера мой сосед Сергей (он по образованию, как и я, зоолог), радостно сообщил мне, что разглядел с веранды своего дома в бинокль далеко в пойме озер крупных белых птиц. Может быть, стерхи? Никогда не видел в природе этих редких белых журавлей, только в зоопарке. Конечно, я знал, что пролет этих удивительных птиц проходит намного восточнее, чем расположено наше селение. Но вдруг? Хотя если учесть, что у нас может пролетать только западно-сибирская популяция этих журавлей, а их осталась всего пара десятков особей, то вероятность близка к нулю. Возможность падения метеорита ко мне во двор выше.

Когда Сергей заметил птиц, было очень далеко, поэтому требовалось проверить. Он собирался сегодня сходить в пойму и посмотреть. Я еще вчера позвонил своему другу Александру. Он лучший из практикующих орнитологов, которых я знаю. Саша сразу развеял наши мечты. Он выдвинул версию, что это большая белая цапля. Эти птицы гнездятся на юге России, в основном по берегам морей и дельтам рек. Но вот уже несколько лет Саня наблюдает за их продвижением на север. В прошлом году он встретил несколько гнездившихся больших белых цапель всего сотней километров южнее, чем моя деревня, что расположена в Нижегородской области. Возможно, в этом году они добрались и к нам. Как-никак глобальное потепление. И хотя попытка их загнеститься на наших озерах является выдающимся фактом, но все-таки это совсем не редкие птицы, в отличие от стерхов, которые почти исчезли с лица нашей Земли. К

слову сказать, Александр оказался прав. Сергей сходил в пойму и убедился, что новые жилища – это большие белые цапли. Но это я узнаю только вечером.

А пока апрельское утро набирало силу. Проснулись пчелы и шмели. Чем, интересно, питаются сейчас эти перепончатокрылые? Травы почти нет, не то что цветов. Только изредка желтыми красками радуется мать-и-мачеха. Вот пролетела белая бабочка. Откуда и куда она порхает, одному богу известно. На соседнюю иву прилетел зеленый дятел и стал без усталости стучать. Над домом быстро прошел клин белолобых гусей, штук пятьдесят. Птицы были невысоко, поэтому я хорошо разглядел их «тельняшки». Эти сильные странники летят на маршруте очень быстро. Через нас пролетают не только белолобые, но и гуменники и серый гусь. Чуть зевнул – и уже не успеешь понять, какие из гусей протянули.

Солнце стоит высоко. Но это все же по-прежнему только утро. Заскрипели двери, где-то завелся трактор. Стали слышны людские голоса. Тетеревиный ток замолчал. Птицы дружно полетели в сторону леса. Эх, я бы тоже махнул с ними. Уж очень интересно сейчас в лесу и на реке. Животные ведут себя смело – период размножения. Сейчас весенний лес прозрачен. Можно увидеть в природе много интересного. Идетесь и дышится легко. Только гуляй и наблюдай. Да только дела не пускают. Ну ничего, еще только середина апреля. Еще успею надышаться пьянящим весенним апрельским воздухом.

А волшебное апрельское утро продолжалось. Солнце, набирая силу, дарило свое тепло. В армейский котелок звонко закапал березовый сок. Он течет всего пару недель. По ночам морозец будет превращать его в чуть сладкий лед, а днем солнышко – ускорять его бег. Потом набухнут березовые почки, раскроются, и котелок для сбора сока ляжет на полку до следующей весны.

Папироса давно закончилась. Подсадная утка отпущена в вольер, где ей насыпано зерно. Пора затопить печь, позавтракать и приготовить добытого селезня. В обед друг зайдет в гости, он не охотник, и дичь для него – диковина. Максим обещал зайти со своим самогоном. Много пить не будем. Чуток под запеченного селезня. Где-то недалеко застучал топор, и зычный мужской голос в ритм ударов инструмента затянул песню: «Не для меня придет весна, не для меня Дон разольется...»

Я подумал: «Слава богу, пока еще для меня».

10.04.2021

В поисках японского полоза

История эта начиналась, как, впрочем, и закончилась в тысяча девятьсот девяносто третьем году. На фоне различных российских потрясений и нововведений в обществе активно обсуждалась проблема возможной передачи Японии южных Курильских островов. Да будет известно неискушенному читателю, на этих островах обитает несколько редких видов змей, один из которых занесен в Красную книгу России – японский полоз, нигде более на необъятных просторах нашей Родины не встречающийся. Также на острове Кунашир живет дальневосточный сцинк – красивейшая ящерица, также краснокнижная, потому что больше нигде на наших землях не встречается.

Мой друг Костя как по жизни, так и по профессии заядлый герпетолог. Пройти мимо вопиющего факта потери страной части животного генофонда он никак не мог. Последней каплей, переполнившей чашу, стал услышанный им разговор в троллейбусе, где один дядя компетентно заявил, что острова отдадут не позднее осени.

Не буду долго останавливаться на финансовой стороне дела, хотя она в нашу пору и решающая. Спонсором экспедиции стала одна славная вятская (кировская) компания, проявившая патриотизм и решившая все наши финансовые хлопоты. Министерство экологии, благодаря поддержке Московского университета, выделило необходимые документы для отлова редких животных.

В состав экспедиции вошли только зоологи: Константин (организатор и двигатель процесса), его ближайший соратник Денис (на мой взгляд, лучший змеелов в Нижнем Новгороде), Алексей, студент университета (какая же настоящая классическая экспедиция без студента), Максим (в прошлом энтомолог, а нынче бизнесмен, гуляющий свой отпуск) и я, ваш покорный слуга, попавший в столь теплую компанию благодаря старой дружбе с вышеперечисленными товарищами и летнему отпуску.

Пережив предварительный этап экспедиции на Костиной даче под Кировом, ранним августовским утром, под аккомпанемент дождя, мы сели в самый «дальнобойный» поезд на свете: Москва – Владивосток.

Дорога была мне знакомой. Я служил срочную службу в Монголии, мой брат Юра служил летчиком в Забайкалье, поэтому мне довелось проезжать этим маршрутом неоднократно. Максим, кстати, тоже служил в Забайкалье, в Борзе. Он сильно устал в последние дни на работе, поэтому, живя в соседнем купе, теперь все время спал, появляясь лишь перекусить. Через сутки наш поезд добрался до Уральских гор. Урал из окон поезда выглядит совсем неинтересным. Если ехать на автомобиле по трассе Уфа – Челябинск, то тогда эти старые горы предстают перед вами во всем великолепии. То вы проезжаете каменистым ущельем, то неожиданно спускаетесь в живописную долину с рекой. Из окон же поезда Урал сер и скучен. За Уралом потянулась Западная Сибирь. Бесконечная тайга перемежалась с городами – гигантами индустриальной промышленности. На календаре «шагали» девяностые. Везде была видна привычная российская разруха и бесхозяйственность. Где бы я ни путешествовал в те годы по бескрайним просторам родной земли, порядка не видел нигде.

В отличие от европейской части пути, в Сибири на станциях, где мы останавливались, старушки бойко торговали всевозможными пирожками, пельменями, молоком и молодой картошкой. Надоевшая нам за первые дни китайская лапша быстрого приготовления была сразу забыта. Но надо ей отдать должное: она нас сильно выручила в начале путешествия, ведь для ее приготовления нужен только кипяток. С этим в российских поездах проблем нет. Макс любил пожевать ее и в сухомятку, чем провоцировал шутки в свой адрес.

Проехав Западную Сибирь, поезд добрался до Байкала. Теперь нас уже нельзя было оторвать от окон. Это чудо природы можно разглядывать бесконечно. Какие-то недоумки краской

исписали все скалы вдоль железной дороги (типа «Здесь был Петя»), чем нарушили природную красоту ущелий, но да простим им это. Ведь много тысячелетий назад рисовали же наши предки наскальные рисунки. В Слюдянке, что стоит на берегу этого самого крупного пресноводного водоема мира, мы, по моему настоянию, отведали нежного байкальского омуля, а также протерли стекла нашего купе, чтобы фотографии были более четкими.

За Байкалом потянулись забайкальские степи. Ностальгия, навеянная этими пейзажами, вызванная воспоминаниями армии, защемила мое сердце. Максим тоже с романтическим выражением лица поглядывал в окно. Наверное, это просто естественное сожаление об ушедшей безвозвратно молодости. Оно присуще всем, независимо от места, где она у вас прошла. Кому-то достаточно вздохнуть ночью июньского аромата свежих лип, чтобы сладостные воспоминания заставили ворочаться до утра.

Уссурийская тайга сменила степи и почти голые сопки. Дальний Восток. Мы жадно вглядывались в проплывающий мимо лес, пытаясь сфотографировать в прямом и переносном смысле новые для нас пейзажи. Дождь не отставал от нас с самого Кирова. Костя с Денисом все больше мрачнели. Во времени мы были ограничены, а осадки резко снижали шансы на удачу в поимке рептилий. К счастью, Хабаровск встретил нас сухой погодой.

Наконец через неделю путешествия наш поезд прибыл во Владивосток. Еще подъезжая к городу, мы удивленно и восторженно разглядывали пролетающих за окном махаонов Маака. Бабочек таких размеров никто из нас никогда не видел. Город еще дышал летом, но желтеющая трава и многоцветье поблекших полевых трав выдавали вторую половину августа. Хотя на улице было жарко, чувствовалось, что лето готовится к сборам. Мы приехали вовремя, и нам нельзя было упустить нашу «жатву».

Новое здание порта Владивостока сияло зеркальными окнами. В бухте стояло большое количество гражданских и военных судов, а в кассах нас ожидал первый сюрприз. Билетов на ближайший пароход до Кунашира – конечной точки нашего путешествия – не было, а ждать следующего рейса целых четыре дня не входило в наши планы. Костю, нашего бравого начальника экспедиции, подобный оборот дела не смутил. Он отправился к начальнику пароконства, который и посодействовал с билетами, сняв под нас бронь. Но, как выяснилось в кассе, загвоздка состояла еще в том, что мэр Кунашира запретил посторонним (даже имеющим специальное разрешение) с августа по октябрь посещение острова в связи со сложной криминальной обстановкой. Мы дали ему телеграмму с текстом на половину печатного листа, разъясняющую цель нашего приезда. Не дожидаясь ответа, уверенные в себе, оплатили билеты и отправились осматривать городские достопримечательности.

Владивосток – славный город. В нем есть что посмотреть. Как истинные материковые жители, первым делом решили осмотреть море. В порту оно было грязным. Спросив, где здесь находится местный пляж, наша компания быстро его нашла и окунулись в соленую воду. Правда, вода была не чище, чем в порту. Местами медуз в ней было так много, что плыть сквозь них было все равно что в каше. Пройдя из спокойной бухточки на побережье залива, мы остановились, чтобы поглядеть, как местные мальчишки вылавливают гребешков. Денис присоединился к ним. Он доставал моллюсков с достаточно большой глубины. Добром это не кончилось. У него закровоточила старая рана на барабанной перепонке. Впоследствии на пароходе мы неоднократно подначивали его за ватки, торчащие из уха.

Возвращаясь с моря, всем составом зашли в океанологический музей. Он, конечно, рассчитан на посещение в первую очередь не специалистами, но даже мы, зоологи, были восхищены его коллекцией. Рядом с музеем наши змееловы заметили вывеску «Зооэкзотариум». Рыбак рыбака видит издалека. Хозяином выставки оказался молодой герпетолог Вадим. С удовольствием осмотрев его коллекцию, договорились о встрече на обратном пути и пошли искать ночлег.

Экспедиция есть экспедиция. Про гостиницу даже не вспомнили. Да, признаться, и лишних денег не было. Все мои увещевания, что нужно забрать из камеры хранения палатки и спальные мешки, чтобы разбить лагерь на ближайшей сопке, тоже оказались напрасными. Нам было суждено вначале зябнуть на скамейках у причала, а потом спать на «теплом мягком линолеуме» в здании порта. К подобному ночлегу я и раньше прибегал неоднократно в аэропорту Домодедово при отсутствии билетов. До сих пор, видя по телевизору Владивосток, я люблюсь на одну сопку, возвышающуюся над городом, выпастыся на вершине которой мне так, к сожалению, и не удалось.

Весь последующий день прошел в состоянии эйфории. Наша команда, рассчитав время обратного прибытия, купила авиабилеты Владивосток – Москва, получила от наших вятских спонсоров денежный перевод, искупалась и погрузилась на пароход. На причале играли «Прощание славянки», вывеска «Владивосток» тонула в лучах заходящего солнца, наш пароход чудом не въехал в какой-то причал, все было трогательно и замечательно.

На вторые сутки плавания судно попало в семибалльный шторм. Я теперь понимаю, почему Айвазовский любил рисовать бушующее море. Оно просто прекрасно. В нем столько силы и красоты, что это даже притупляет чувство опасности, которое оно несет. Гигантские волны раскачивали наш корабль, как щепку. Стоя на нижней палубе, мы могли наблюдать их истинную высоту. Они, как гигантские многоэтажки, стройными рядами нападали на наш корабль. Он же ловко забирался на вершины этих водных гор, чтобы через мгновение вновь оказаться между ними, как в ущелье. Если бы волны не были пологими, то просто перекатились бы через наше судно и опрокинули его.

Вечером предыдущего дня наша дружная компания познакомилась с венгерскими студентами, которые путешествовали по России. Они ехали на самой нижней палубе, и во время шторма теперь плашмя лежали в своей каюте, не поддаваясь нашим уговорам подняться на верхнюю палубу, на свежий воздух, где качка переносилась без особых проблем. Лишь один из них – Джозеф, великан размером с нашего Макса, – внял совету, и мы проболтали с ним на ломанном английском до утра, перекивая порывы ветра и грохот волн.

На другой день еще немного штормило, но на небе сияло яркое солнце. Пятеро нижегородцев долго прыгали на палубе океанского теплохода, расставляя полы курток, чтобы поймать момент парения в воздухе. Вроде давно уже не дети, но это было так классно, что мы наплевали на стеснение и всякие предрассудки. Затем фотографировались на фоне волнующегося моря и глядели на волны. Смотреть на море, как и на огонь, можно до бесконечности. Нам, правда, в конце концов это надоело, и мы пригласили новых знакомых к себе в каюту на посиделки.

Венгры тактично принесли с собой консервы. Мы посмеялись над их тушенкой, в которой были одни овощи и пара жалких кусочков мяса. Достали и открыли несколько банок своей. Крупный Джозеф радостно налегал на нашу армейскую тушенку и даже пошутил, что питаться теперь будет только у нас. После трапезы мы достали гитару и спетым коллективом задвинули концерт часа на два, даже исполнив песню про себя, которую сочинили еще в поезде. Когда же спели серьезными суровыми голосами шуточную песню про Семена Михайловича Буденного, венгры, не понимающие русского языка, торжественно замолчали, посчитав, что мы поем что-то очень важное. Особенно это выглядело забавно, когда мы пели: «И в той строке, где эта Мурка совсем убитая была, была мокра его тужурка, навзрыд рыдала кобыла». Пришлось успокоить европейцев, что все хорошо и нет повода грустить. Вывод: ребята, учите иностранные языки, чтобы не попадать впросак.

Расставание с венграми на другой день на Сахалине было трогательным, но дальше с нами их не пускал пограничный контроль. Попрошавшись с мадьярами, наша экспедиция спустилась с корабля во время стоянки и совершила экскурсию по берегу океана. Штормом вынесло на прибрежную полосу массу интересных беспозвоночных. Особенно много было крупных хитонов. Так как до этого нам доводилось видеть их лишь на кафедре зоологии в заспиртован-

ном виде, то появилась даже крамольная мысль прихватить с собой парочку самых крупных, залив их спиртом для фиксации. Как-никак у нас с собой была пара литров спирта. «Но голосу рассудочному внемля», мы расстались с этими дарами моря прямо на прибойке, пожалев скудные запасы нашего спиртного, которого, как известно, в экспедиции много никогда не бывает.

Плавание продолжалось. Особенно запомнился остров Итуруп зелеными ландшафтами и вулканами, спрятавшими свои вершины в тумане. Из-за этого тумана нам не удалось толком разглядеть ни вулкан Атсонупури, ни вулкан Берутарубе. А вообще, их на острове больше десяти, если я не ошибаюсь. Обогнув его южную оконечность, корабль направился к острову Шикотан. В океане видимость была отличная. Кроме Шикотана, можно было разглядеть и Кунашир. Как древние мореплаватели, пассажиры вглядывались в приближающиеся острова.

В закатных лучах солнца скалистый берег маленького Шикотана казался бронзово-золотым. На скалах галдел небольшой птичий базар. К нам подошел плашбот, забитый встречающими. Он забрал горстку людей, и наше судно легло на курс к самому краю земли русской. Да будет известно читателю, от острова Кунашир до японского берега двадцать пять километров. Говорят, по замерзающему зимой проливу можно дойти пешком, отчего он зовется проливом Измены.

Ночью теплоход приплыл к Кунаширу. В семь утра объявили о высадке. На море вокруг нашего судна будто разлили молоко. Туман стоял такой, что ничего не было видно. У трапа на плашбот нас встречали пограничники, которые проверили паспорта и разрешения. Они пропустили нас без проблем. А вот на барже ждал сюрприз в виде женщины в звании майора и в должности заместителя начальника УВД Кунашира, которая объяснила нам, что ответ на нашу телеграмму был отрицательным. Мэр острова просил ее лично проследить за тем, чтобы мы покинули землю на том же пароходе, что и приплыли: сегодня же вечером. Можете представить наше настроение. Преодолеть такое расстояние, проехать в прямом смысле полсвета, чтобы ни с чем вернуться назад. Да тут еще этот проклятый туман, из-за которого рассмотреть толком ничего нельзя.

Оставив наших друзей около милиции с вещами, я и Костя отправились к мэру, решив исправить недоразумение. Ведь мы не были ни бандитами, ни шпионами, ни браконьерами. Мы были законопослушными гражданами. Вы, конечно, усмехнетесь. В России, как известно, труднее всех живется именно законопослушным гражданам. Да, все, конечно, помнили это, но отказ мэра в «визе» казался нам полным абсурдом.

Как оказалось, о нашем приезде знал почти весь остров. Попытки получить поддержку в местном отделении Госкомприроды не увенчались успехом. У всех относительно нас была жесткая установка. Наконец нам удалось повстречаться с мэром. Встреча ни к чему не привела. Сей муж пригрозил нам, что пограничники разыщут нас, в случае если наша компания покинет Южно-Курильск. Несолоно хлебавши, мы отправились в управление заповедником на другой конец города. Встретили нас там не приветливо, а, говоря по-русски, просто послали. Куда нас послали, я думаю, догадаться нетрудно.

Хотя настроение было ужасное, уходить без боя мы не собирались. Это не в наших традициях. Слово за слово, сигарета за сигаретой, отношения наши теплели. Зоолог зоолога понимает все-таки лучше, чем функционер. Тем более что все наши разрешительные бумаги были в порядке. В конце концов ребята показали на карте, где обитают интересующие нас животные и как туда пройти. Взяли пачку сигарет и нарисовали на ней схему мест, где нам стоило вести поиски животных. Костя обязался с нашей стороны предоставить перед отплытием весь багаж для досмотра сотрудникам заповедника, чтобы они могли проверить количество отловленных нами рептилий. Мы также обещали покинуть остров не позднее, чем на следующем пароходе, отплывающем через четыре дня. Заключив джентльменское соглашение, вернулись с Константином к парням, взяли рюкзаки и покинули город. Хотя все помнили угрозу мэра, но не попытаться осуществить наш план было просто малодушием. Сверху лил настоящий тро-

пический дождь. Дома разглядывали нас окнами, затянутыми то тут, то там полиэтиленом. А нижегородская экспедиция спешно покидала город.

Неожиданно обрушившийся на нас ливень, который промочил одежду до нитки, превратился в мелкий нудный дождик. Выйдя из Южно-Курильска, мы остановились перед развилкой. Я настоял, что нужно идти по правой дороге. Только отмахав пяток километров, стало ясно, что это не та дорога. Наша процессия топала в аэропорт. Правда, никто из нас не пожалел об этом. Вдоль дороги росли невысокие хвойные деревья, полностью увешанные висячими лишайниками невообразимых размеров. Больше нигде ничего подобного на острове впоследствии нам не попало. Ваш покорный слуга только жалеет, что плотный дождь не позволил сфотографировать этот сказочный лес.

Вернувшись в исходную точку, мы натолкнулись на «Урал» пограничников, но все обошлось. Они явно занимались не нашими поисками. На небе засияло солнце, и дорога стала веселее. Вдоль дороги плескался Тихий океан. В месте, где он ближе всего подбирался к трассе, мы, как малые дети, скинув рюкзаки, стали собирать ракушки разных размеров, форм и расцветок. Дальше дорога уходила от моря в лес, который поражал невероятным переплетением тропической и северной флоры и фауны.

Базой нашего пребывания на четыре дня должна была стать Росинка. Так называется место выхода горячих источников на склоне вулкана Менделеева. Добраться туда можно было по Кислому ручью. Как объяснили сотрудники заповедника: «Мимо Росинки не пройдете ни днем, ни ночью». Карты у нас не было, а приблизительная схема, набросанная на пачке сигарет сотрудником заповедника, была очень приблизительной. Заблудившись, мы вышли к дачам, жители которых подробно объяснили нам, как пройти на Росинку.

Дождь закончился. Выглянуло солнце и быстро просушило одежду. Но мокрый бамбук снова вымочил нас до нитки. Мы с удивлением разглядывали эти непроходимые заросли, двигаясь по набитой тропе вдоль ручья. Вода в этом ручье имела вкус разведенной лимонной кислоты. Было ясно, что это благодаря вулканической сере. Название ручья не требовало пояснений. Быстро темнело. Мы вынуждены были разбить лагерь прямо посреди бамбука, предварительно его умяв. В наступившей темноте, взяв фонарики, все разбрелись в попытке найти сухие дрова, но это оказалось невозможным. Ливень пропитал все водой настолько, что на моей памяти в первый раз в лесу опытные полевики не смогли разжечь костер.

Забравшись впятером в одну палатку, достали хлеб, консервы, кружки и ложки. Я вынул из рюкзака припасенную бутылку яранской водки, чтобы отметить прибытие. Усталость валила с ног. И хотя разум еще сопротивлялся, но физиология взяла верх. Пятеро усталых путешественников разбрелись по своим палаткам и моментально уснули.

Утро было типично летним. Солнце осторожно пробиралось своими лучами вдоль ручья, освещая вершины деревьев. На небе не было ни облачка, и лишь одно маленькое и абсолютно белое зацепилось за вершину вулкана. Лес потихоньку наполнялся пением птиц. Посоветовал двигаться прямо по ручью в кедах. Так идти намного легче, чем в сапогах. Ноги будут сырыми, но сам будешь сухим, да и не нужно петлять вдоль берега. Вняв моим увещаниям, процессия двинулась по руслу Кислого. Все еще помнили вчерашний проход сквозь мокрый бамбук, поэтому сырые по щиколотку ноги никого не волновали. Они не мерзли, так как вода в ручье была теплая.

Дно ручья имело явно вулканическое происхождение. Это была просто застывшая лава. Бордовая каменная дорога, на которую нанесло камешки различной окраски и размера. Поворот сменялся поворотом. Вот пара упавших елей перегородила нам дорогу. Обойдя их, мы увидели клубы пара, поднимающиеся с правого берега ручья. Без сомнений, это была Росинка: валил пар, из горы лился кипяток, а напротив была расчищенная туристическая площадка.

Место было действительно живописным. Человеческими руками из камней были отгорожены три бассейна: с кипятком, горячей и теплой водой. Ручей выше выхода горячих источ-

ников был прохладным, но вода в нем тоже была кислая, как и ниже. Сбросив рюкзаки, Костя, Денис и я устремились к вершине вулкана – фумарольным серным полям, где было последнее извержение, произошедшее примерно сто лет назад. Сотрудники заповедника именно там советовали нам проводить свои поиски. В лагере остался кашеварить Алексей, а на долю Максима выпало возвращаться в Южно-Курильск, чтобы купить билеты на обратный пароход.

К фумарольным полям мы двинулись по руслу и через некоторое время вышли к месту, где соединялись два ручья. Правый был чистый и холодный, с вкусной водой, от которой ломило зубы. Левый был теплый и кислый. Между ними в месте соединения образовалась коса из осадочных пород. Она была высотой с трехэтажный дом и отточена дождями на вершине, как бритва. Решив, что холодная вода течет с ледников, наша группа отправилась по правому ручью, надеясь так быстрее дойти до вершины. Вода в ручье была настолько холодная, что скоро мы стали замерзать. Ручей бежал под пологом густого леса, и, хотя солнце светило ярко, лишь слабый свет добирался до нас. Преодолев очередной водопад, все осознали ошибку. Мы явно забирали вправо, а нам нужно было налево. С трудом, карабкаясь по отвесным стенам распадка, выбрались на свет, где нас встретил дружный курильский бамбук. Он хоть и не вьетнамский, но хлопот при продвижении по склону доставил нам немало. Я был в шортах, поэтому через сотню метров мои ноги были исцарапаны в кровь бесчисленным количеством тонких порезов и стали сильно походить на чулки. Сделать подряд можно было не больше десятка шагов. Если после этого не распутывать ноги, то просто рухнешь связанный тонкими зелеными прутиками. В Магаданской области трудно идти сквозь кедровый стланик: приходится ступать по нижним ветвям, которые в метре над землей. На севере Камчатки вас замучат ольшаники, по которым приходится пробираться как сквозь стальную паутину. Здесь нишу препятствий для продвижения людей выполняет бамбук.

Выбравшись на открытое место, мы присели передохнуть. Перед нами раскинулись фумарольные поля. Сера и ее соединения придавали им желтый цвет с различными оттенками. Этот цвет в сочетании с буйной зеленой растительностью, голубым небом и синим океаном просто завораживали. Нам был прекрасно виден Южно-Курильск, лежащий полукругом в бухте. На другом конце острова сквозь дымку виднелся вулкан Тятя. Вот тут-то на привале Костя и поймал первого островного полоза. Эта полуметровая зеленая змея воодушевила нас. Через десять минут Дэн (ласковое прозвище Дениса) поймал еще пару полозов. Спустившись к ручью, мы стали осматривать его склоны. Вот Денис снял с кустов еще одну змею, висевшую на ветвях. Костя тоже пополнил свой мешок. С островными полозами только не везло мне.

По берегу ручья идти было практически невозможно. Ноги утопали по колено в грязи. Зато по дну ручья было идти просто, как по асфальту. Только роль асфальта здесь выполняла застывшая лава. Она периодически образовывала ванны, в которых мы обязательно купались. Вдоль ручья булькали грязевые гейзеры. В одном месте фумаролы находились прямо у ручья. Они извергали пар, как будто это были сопла старинных орудий, стреляющих из портов корабля. Оставив друзей на склоне Кислого, я направился в лагерь. Неожиданно мой взгляд наткнулся на небольшую змею, переплывающую ручей. Поймав ее, я был несказанно рад. Это был малочешуйчатый полоз. Нам пока они не попадались.

Вскоре за мной в лагерь с «добычей» вернулись с вулкана Костя с Денисом и Максим из города, купивший билеты на пароход. Студент не приготовил нам пищи, так как костер у него упорно не хотел гореть. Мы с Костей поставили котлы с кашей и чаем в вытекающий из горы кипяток. После этого довести до кипения оба котла на костре заняло несколько минут даже с сырыми дровами. Кроме того, что кипяток из скалы служил для нас неким подобием газовой плиты, он еще и отчистил, благодаря своему химическому составу, котлы от многолетней сажи. Теперь они блестели лучше новых.

Вечером, достав из мешков пойманных змей, наши герпетологи выбрали несколько самых крепких самок и самцов, а остальных выпустили.

На другой день очередь кашеварить в лагере досталась мне. Макс с Костей ушли к мысу Столбчатому в поисках сцинков, а Дэн с Лехой отправились на fumarольные поля вулкана Менделеева. Я решил вначале приготовить пищу, а потом помыться и постираться. Как ни пытался разжечь по-хорошему костер, сырые дрова тут же тухли, стоило мне только ненадолго оставить их без присмотра. Я поместил снова котелки с пищей в горячую воду, что вытекала из горы. Но нужно было довести их до кипения на костре, а это требовало постоянного внимания из-за сырых дров. Страдания мои закончились часов в одиннадцать, когда солнце наконец оказалось и на нашей стороне распадка. Кроме приготовления обеда и сразу ужина, я насобирал дров впрок, просушил их под солнцем и засунул под навес палатки. Закончив с делами по лагерю, улегся в теплые ванны. Через десять минут тело было уже чистым без применения мыла. Кожа стала розового цвета. Вот тогда, лежа в ручье, и заметил, что на камнях рядом с теплыми ваннами периодически появляются маленькие симпатичные ящерицы. На солнце они переливались всеми цветами радуги. Ваш покорный слуга не герпетолог, а залезть в определители перед экспедицией поленился, поэтому понятия не имел, как выглядят интересующие нас сцинки. После пары неудавшихся попыток отловить радужных красавцев я бросил это занятие и вернулся к стирке.

Вечером первыми пришли Денис с Алексеем, принеся очередных змей, а ближе к закату – и уставшие от дальнего перехода Костя с Максимом. Они восхищенно рассказывали про мыс Столбчатый, получивший свое название за то, что состоит он из слипшихся колонн, которые периодически отваливаются от стены и лежат, похожие на греческие развалины. К сожалению, вместо сцинков они принесли лишь горбушу, пойманную ими в ручье, которую мы тут же и пожарили. За ужином я рассказал про маленьких радужных рептилий. Костя с Денисом дико обрадовались, так как, оказывается, на Кунашире других ящериц, кроме дальневосточного сцинка, не обитает. То, что мы так упорно искали, бегало у нас под носом.

Время пролетело незаметно. Пора было в обратный путь. Отпустив лишних змей, мы по максимуму собрали лагерь, чтобы на рассвете уйти по застывшей лаве из царства бамбука и fumarольных полей. Утром в день ухода полил мелкий нудный дождь. Если бы он лил и предыдущие дни, вряд ли бы наш отряд что-нибудь поймал. К сожалению, никто из нас так и не нашел ни одного японского полоза.

Тайфуны и циклоны – не редкость на Курилах. Вновь разыгравшийся шторм задержал на день прибытие нашего корабля. Воспользовавшись этим, мы отправились на побережье. Вдоль прибойки можно идти часами, разглядывая выброшенные на берег водоросли и беспозвоночных, отскакивая от набегающей волны. Нагулявшись вдоль берега, вернулись в Южно-Курильск. Захотелось домой купить красной рыбы и икры. Нетрудно догадаться, что это не составило проблем. Край богат дарами моря. Увиденное на улочках города вызывало диссонанс. Старые неказистые деревянные дома никак не вязались с большим количеством японских и корейских машин, стоявших около них. Строения были старыми и обветшалыми. Почти на каждом доме висели гигантские паутины с большими пауками. Из-за капелек дождя паутина казалась серебряной. Вот пауки, в отличие от машин, казались здесь уместными.

Мы выполнили свое обещание – предъявили вывозимых рептилий директору заповедника. Кроме предъявленных животных он просмотрел все наши вещи. На этом настояли мы сами, чтобы у него не было сомнений в нашей честности. Попрощавшись с островом, опять в шторм покидали берег. Волны так раскачивали судно и плашбот, что посадка была связана с определенным риском. Трап, как адская машина с гигантским лезвием, проносился над палубой парома. Нам, как и в день прибытия, не удалось поглядеть на остров с моря. Сплошная пелена дождя скрывала от нас Кунашир.

Шторм на обратной дороге внес изменения в наши планы. Мы опоздали на свой самолет. В Аэрофлоте, на основании штампа об опоздании, поставленном на билетах парохода, авиационные билеты нам поменяли, но рейс был через два дня. Это не сильно нас расстроило. Наша компания зашла к старому знакомому – герпетологу Вадиму, у него дома и поселилась. В первый дополнительно подаренный судьбой день мы съездили в окрестности Владивостока, где поймали несколько видов змей, на отлов которых не требовалось разрешений в связи с тем, что это были местные массовые виды. Максима змеи не интересовали. Он бегал с сачком за махаонами Маака. Их было уже мало. Эти крупные бабочки с черно-зелеными переливающимися крыльями как птицы проносились мимо него, гонимые ветром. Пару энтомолог все-таки поймал.

В день отлета хотелось еще посетить и другую сторону залива, но погода резко испортилась. Похолодало, а на море разыгрался шторм. Не рискнув еще раз опоздать на самолет, мы остались во Владивостоке. В аэропорту перед отлетом пришлось выуживать из Максима и его рюкзака все камни, что он прихватил на вулкане, так как на оплату его неприподъемного багажа просто не было денег. Костя, который носит из нас самый маленький размер обуви, даже залез прямо в кедах в болотные сапоги Макса, чтобы облегчить рюкзак. Приморье провожало нас холодными дождями, поэтому расставанье с ним не было таким грустным, как если бы мы уезжали в хорошую погоду.

P. S. Еще три года судьба не позволяла Косте и Денису открыть свою зоовыставку, но они сохранили пойманных животных, а некоторые из них уже оставили потомство. Я люблю заходить к ним, поглядеть на пойманного мною малочешуйчатого полоза, сидящего на выставке рядом с экзотической игуаной. Он подрос и стал настоящим красавцем. Острова остались российскими. Я вряд ли когда-нибудь попаду туда, да и Константин с Денисом теперь больше мечтают о Вьетнаме. Они уже переросли границы своего государства. Но если все-таки Россия надумает отдать Кунашир Японии, я думаю, нам придется вернуться туда за непойманным японским полозом.

17.08.1997

Костромской уик-энд

Неделя не предвещала ничего хорошего, правда, в конце ее маячили майские праздники. Я как раз раздумывал, как их провести, когда на столе зазвонил телефон. Сняв трубку со старого дискового телефона, услышал знакомый голос. Меня разыскал мой старый университетский друг Дима Мирошниченко. Он сказал, что Василий Митин приглашает нас к себе в Кострому на охоту.

У кого не было никогда настоящих друзей, вряд ли поймет моих чувств. С Васей и Димой я не просто жил в одной комнате в общежитии, я делил с этими людьми один хлеб. Мы вместе сидели на лекциях, таскали байдарки и рюкзаки в природоохранных рейдах, орали биофаковские песни у костров, зарабатывали и тратили деньги. Пуд соли съели вместе точно. За время учебы много раз провожали друг друга в армию, различные экспедиции, а потом встречались снова. Окончив университет, разъехались по России-матушке, но общаться не перестали.

Годы идут, и здесь мы, к сожалению, бессильны. Семья, работа, проблемы потихоньку делают свое дело, как бы мы ни хорохорились. Но есть еще пока порох в пороховницах, поэтому Димин звонок и Васино приглашение я принял на ура. В четыре часа утра, прихватив двух подсадных уток, палатку, ружья и десятка два кассет для автомагнитолы, мы неслись на Диминой «девятке» по безлюдной дороге к Костроме. Начались майские праздники. Машин на дороге было очень мало. Из динамиков Юрий Шевчук задушевно пел: «Это все, что останется после меня, это все, что возьму я с собой». Над трассой в северном направлении пролетали клинья гусей, призывно крича с высоты. Весенний ветер влетал через открытые окна машины, будоража свежестью.

Не бойтесь быть самим собой, даже если вы покажетесь себе несерьезным или смешным. Стоит ли излишняя напыщенность и чопорность того, чтобы прятать беззаботного безусого мальчугана под бородатым важным дядькой, когда вас никто не видит или почти никто? Давно забытое ощущение полной ясности своего существования снова захватило мою голову. Я орал песни вместе с музыкантами, а Димыч терпеливо это выслушивал, хотя, как говорится, в детстве мне медведь на ухо наступил, а может, даже сразу и на оба.

Утро было теплым и безоблачным. Весеннее солнце грело почти по-летнему. Весна – лучшая пора года, так как каждой новой весной с пробуждением природы пробуждаешься сам. Весна становится оплотом новых надежд. Хочется дышать этим пьянящим воздухом бесконечно, но, как известно, за бодрящей весной наступает знойное лето.

Быстро позавтракав у моего родного брата в Иванове, мы снова поспешили в Кострому, к Василию, который для нас с Димой тоже вроде брата. К полудню мы прибыли к нему домой, и, хотя Митина дома не оказалось, нас уже ждали. Стол ломился от яств и напитков. Вскоре появился и хозяин. Отобедав, мы отправились собираться на охоту.

Решив не брать Васин двухместный «уазик», мы стали упикивать вещи в «девятку». А вещей, надо сказать, было много. Основное место заняла байдарка. Затем дошла очередь до продуктов. Взяв с собой пять ржаных ярославских батонов, кучу консервов и ведро картошки, Василий начал вынимать из гаража припасенное спиртное. Когда он загрузил пару бутылок водки, наливку и бутылку домашнего вина (запивать), я спросил: «А, собственно, на сколько дней мы едем, так как я больше, чем на четыре, не могу». Вася невозмутимо ответил: «Пока не выпьем». Дима добавил: «Четыре дня? Маловато будет». Купив в ларьке бутылку минеральной воды разлива Костромской епархии с обязывающим названием «Святой источник», мы отправились в путь.

Место, куда приехала наша машина, было очень живописным. Старые рыбопроизводные пруды заросли тростником и камышом. По весне в них скопилось много воды. На эти заросшие водоемы и собирались сотни пролетных уток и гусей. Дима, несмотря на все наши с Васей

протесты, заехал в самую глубь прудов. Колея, по краю которой он ехал, была проторена «уазиками». Если бы машина съехала в нее, пришлось бы искать трактор, а так не хотелось тратить время на подобное времяпрепровождение. На наше счастье, стояла вторая неделя сухой погоды, да и водитель у нас был не промах.

Егеря, проверив наши документы, предупредили, что охотиться можно только на утренней и вечерней заре. Бросив машину на обочине, прихватив ружья, уток, выпивку и продукты, мы отправились вглубь угодий строить шалаш из сухого местного тростника. Его светло-желтая стена шуршала при порывах ветра. Изрядно ободрав о него руки, вместе построили большой шалаш. Надев ногавки на уток и посадив их на канал, что тек в десятке шагов от нашего тростникового жилища, мы уселись ужинать. Нам было о чем поговорить, а особенно – что вспомнить. Быстро захмелев от усталости, все-таки успели заметить, что подсадные утки, видимо тоже устав с дороги, совсем не кричали. На самом деле мы забыли простую истину – если утки видят друг друга, то крикать они не будут.

Оставив их на волю провидения, охотники разошлись в разные стороны на разведку, чтобы рассмотреть местность. Отойдя метров двести от шалаша, я неожиданно поднял гусей, которые в сумерках подпустили меня метров на сорок. Промазав первым патроном, вторым все-таки свалил ближайшего взлетевшего гуся. Это был красавец белолобый гусь. Гордый такой добычей, счастливцев уже не обращал внимания на взлетающих уток. Было слышно, что друзья тоже стреляли. Когда же мы почти одновременно подошли к шалашу, то выяснилось, что каждый из нас принес именно по белолобому гусю.

Счастливые удачным началом охоты, покормив уток, которые, к слову, в эту ночь так и не начали крикать, мы продолжили душевную беседу. Хоть машина и стояла всего в ста метрах от нас, мы не стали доставать ни спальников, ни палатки. Возможно, наша встреча повлияла на то, что к нам вернулось прежнее студенческое разгильдяйство.

Караулить подсадных уток от шустрых селезней было все-таки нужно, поэтому, расположившись в шалаше, порешили нести вахту по очереди. Когда наступил мой черед, не очень надеясь на свое зрение, я расположился на полиэтиленовой пленке прямо рядом с ручьем, в котором плавали наши птицы. Всю вахту благополучно проспал. Только однажды, проснувшись неизвестно по какой причине, заметил, что к одной из подсадных подплывают утка и селезень. Демонстративно пошевелился, после чего пара улетела, а я продолжил спать. Ночь стояла теплая. На ясном небе светил гигантский прожектор – луна. Запищал будильник, моя смена закончилась. Разбудив Васю и передав ему вахту, свернувшись калачиком в шалаше, со спокойной совестью я заснул.

Утром нас разбудил мелкий назойливый дождь, который, впрочем, настроения не испортил. Подкрепившись тушенкой и ярославским ржаным хлебом, стали высиживать селезней. Догадавшись о причине упорного молчания подсадных, рассадили их. Утки тут же призывно закричали. Селезни красноголового нырка, чирка-трескунка и кряквы пали под нашими выстрелами. Сделав после обеда шалаш в новом месте, укрылись в новом скрадке и легли поспать, дожидаясь вечерней зорьки.

Вечер снова оказался теплым и сухим. Многочисленная назойливая мошка начала больно кусаться. Птицы летали, но в основном вне досягаемости наших ружей. Пару раз в проходы шалаша мы видели табунки свиязей, которые со свистом пронеслись рядом с нами. Как ни надрывались наши утки, присело всего два кряковых селезня. В первого мы промазали. Второго Дима стрелял, поднявшись на ноги, потому что стало темно. Попал, но тот был бит нечисто и успел немного отлететь. Найти его впотьмах мы не смогли. Хоть на водной глади и отражалась луна, трава, залитая водой, маскировала уток настолько, что мы оставили всякую надежду хоть что-то разглядеть. Спрятали уток в корзинки и под житейские разговоры далеко за полночь легли спать.

Встав рано утром, я не стал будить товарищей. Мне захотелось прогуляться по водоемам. Отойдя сотню метров, поднял из-под себя черно-белого нырка с пучком длинных перьев на голове. Оперенье было черное, с сине-фиолетовым отливом. Передо мной без сомнения был самец. Подстрелив взлетевшего селезня хохлатой чернети, потом пришлось почти по шее залезть в воду, чтобы его достать. Байдарка далеко: пока ходишь за ней, есть вероятность потерять добычу. Возвращаясь к шалашу, нашел и ночного Диминого селезня. Я был уже совсем сырой, поэтому без колебаний сплавал еще и за кряковым трофеем. Вода была ледяной, хотя был май месяц, и на улице было достаточно тепло. Следовало переодеться в сухую одежду, чтобы не простудиться. Парни, проснувшись, выдали мне последние сто грамм наливки для «сугреву» (остальную огненную воду мы уже выпили) и сухую одежду. Вася, проводив взглядом мой стакан, сказал: «Ну что, мужики, отдохнули на славу, дичи у нас хватает, пора и домой, в баньку».

Я переоделся. Пока мы завтракали, одежда почти высохла под жаркими лучами солнца. Над нами в сторону севера летели клинья гусей и стаи уток. Пора было в город. Отмывая сапоги от грязи около машины, Дима с Васей увлеклись фотографированием лягушек из огромной лужи, в которой мыли обувь. В этот момент на наш бугорок неожиданно низко вылетел гусиный клин. Я схватился еще за незачехленное ружье, но Василий остановил меня: «Не надо, дичь у нас есть, пусть летят!». В этот момент я понял, что наш чудный костромской уик-энд, к сожалению, подходит к концу. Майское солнце припекало, вдали в селе без конца звенели колокола, возвещая приход Пасхи, а сверху прощально кричали гуси.

Дома у Васи мы опять допоздна разговаривали, не забывая угощаться жареным гусем и щукой «по Коми». Хозяин приготовил все это быстро, как и подобает заправскому охотнику и рыбаку. Мне вспомнилась зимняя охота на втором курсе, когда в землянке мы жили втроем: Вася, Дима и я. Вокруг на десятки километров больше никого не было. Был только лес и снег. Короткий миг счастья. Или, как говорит мой друг Саня Мацына, «примета счастливого времени». От этих воспоминаний защемило в груди.

Обратная дорога в Нижний Новгород мне показалась скучной. Впереди ожидала повседневная рутина, и я про себя подумал: «Друзья! Позвоните мне поскорее, и мы отмерим время количеством спиртного где-нибудь в лесу или на реке. Приятно пить за встречу и горько пить за расставание!»

06.12.1996

Паанаярви

Когда после новогодних праздников мой друг Александр Михайлович Чивикин (среди друзей – просто Михалыч) предложил съездить летом в Карелию на рыбалку, я вначале отнесся к этой идее без энтузиазма. В Карелии уже бывал, да и, признаюсь честно, не хотелось ехать за тридевять земель. Когда же повнимательней взглянул на географическую карту, то изменил свое решение.

Национальный парк «Паанаярви», куда Михалыч агитировал ехать, находится на северо-западе республики Карелия: между заполярьем с севера, тайгой с юга, холодным Белым морем с востока и более теплыми морями Атлантики с запада. Все это сулило увидеть много интересного. Я рассмотрел несколько автомобильных маршрутов путешествия от Нижнего Новгорода до национального парка. Остановился на самом коротком, около тысячи девятисот км. Кроме экономии бензина он позволял в Вологодской области заехать на озеро Кубенское, посетить Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри, а в Карелии – постоять на Онеге. Все маршруты позволяли заехать в Кемь к Белому морю. Михалыч еще в мае, прямо при мне полистав лунный календарь, назначил сроки поездки: конец июля – начало августа. И хотя все лето было холодно и дождливо, отчего я постоянно сомневался в правильности его прогноза, старый черт не ошибся. Всю поездку простояла сухая и солнечная погода, не считая пары легких дождиков, зацепивших нас в начале пути и на обратной дороге.

Стартовав из Нижнего утром двадцать седьмого июля, мы (я, моя дочь Настя и Михалыч) помчались в автомобиле на сказочный русский север. Первым крупным населенным пунктом на нашем пути оказался город невест – Иваново. И хотя я неоднократно там бывал (как-никак родной брат там живет), нам все равно пришлось поплутать. Пояснения местных жителей несколько облегчили нам задачу, но не сильно. Зато красавец Ярославль проскочили на одном дыхании. Просто выбрали направление по солнцу и не промахнулись. Этот старый русский город не может не понравиться. Мы заедем туда на экскурсию на обратном пути.

После обеда наша компания уже пробовала вкусное вологодское мороженое. Удивительный факт: ни туда, ни на обратном пути в Вологодской области мы не увидели ни одной коровы! А мороженое было вкусным. В каждом городе Михалыч спрашивал: «Ну что, по стакану?» – и, получив наше согласие, покупал каждому члену экипажа по вафельному стаканчику местного пломбира.

За Вологдой нас накрыл проливной дождь, поэтому решили не заезжать на Кубенское озеро, хотя с трассы его видно хорошо долгое время. Мой ВАЗ-2110, в простонародье «десятка» держал дорогу крепко, что позволяло ехать быстро, и вскоре дождь остался позади. В самом начале поездки Михалыч предупредил меня, что третьего августа в шесть вечера мы должны стоять около дома, так как у его дочери день рождения, а к столу не мешало бы не опаздывать. Я про себя возмущился столь жесткому ультиматуму, но спорить из уважения со старшим не стал. Надо значит надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.